

Островок близ северной префектуры Аомори. В заносимом снегом святилище на склоне горы Наоя, едва успев раскидать обезумевшую толпу деревенщин, торопливо заскочил внутрь и замер — прямо на его глазах Харе полетел в колодец.

Наоя только и смог что беззвучно приоткрыть рот.

Что ж, он не ошибся: этот присланный из столичной Технической школы магии парень был ходячей катастрофой, никчёмным слабаком. Совершенно не чета великому Тодзи-куну или эксцентричному Годжо-куну. Ни сильного, закалённого тела, ни мало-мальски острого ума.

Разве что личиком вышел.

Да и какой нормальный маг умудрится проиграть дряхлому старику? Хотя нет, дело даже не в силе, а в идиотском благородстве. Этот недотёпа, побоявшись, что безумный дед сорвётся вниз, застыл столбом — и в итоге сам же улетел на дно... У Наои просто не находилось приличных слов.

У старика кровь хлестала из всех щелей на лице, он выглядел точь-в-точь как одержимый проклятием — к людям его уже при всём желании нельзя было причислить. Шлёпнул бы его, делов-то, чего тут колебаться?

Наоя заглянул в колодец. Внизу зияла непроглядная темень, вода казалась чернильно-чёрной, и упавший туда парень бесследно исчез.

— Неужели он настолько слабак, что сразу же подох?.. — пробормотал Наоя.

Наследник великого клана Дзэнъин задумчиво опустил голову. Золотистые пряди с тёмным градиентом у корней упали на лицо, отбрасывая тень на резкие, безупречные черты его красивого, но сейчас заметно помрачневшего лица.

Странно... Наоя нахмурился. Ему ведь поручили избавиться от этого мальчишки. Но сейчас, когда тот глупейшим образом угробил себя сам, на душе почему-то скребли кошки.

Прежде чем он успел разобраться в своих противоречивых чувствах, лодыжку обдало мертвенным холодом. Сухая, сморщенная рука, перепачканная землёй и липкой чёрной жижей, дрожа и скрючиваясь, поползла вверх по его ноге.

Староста деревни — тот самый старик, который только что толкнул Харе, — на глазах усыхал и превращался в мумию. Из его ободранного горла больше не вылетало членораздельной речи. Сквозь хриплые, лишённые смысла стоны едва угадывались обрывки фраз:

—... У...бью... тебя...

—... Деревья... сажать...

Наоя опустил на него холодный брезгливый взгляд, словно смотрел на мерзкую копошащуюся гусеницу.

Ему и без того было паршиво из-за падения Харе, внутри ворочалось глухое раздражение, а тут ещё это убожество посмело осквернить своими грязными лапищами его дорогую одежду. Какое свинство.

Но забавнее всего было то, что дед, практически обратившись в проклятую тварь, до последнего хрипел о своих ненаглядных деревьях.

Наоя ведь по пути заглянул в ту самую рощу, о которой говорилось в отчётах. Никаким драгоценным сандалом там и не пахло — самые обычные, заурядные стволы.

Какой-то шутник запечатал под горой проклятого духа, который просто искажал цвет древесины. И вся эта шайка тёмных, жадных идиотов дала себя обвести вокруг пальца. Самое ироничное, что проклятие, ставшее орудием обмана, они же сами в итоге и возвели в ранг божества.

— Раз уж тебе так больно, я проявлю милосердие и избавлю тебя от мучений, — слащаво протянул Наоя.

Скривившись от отвращения, он занёс ногу над распластанным старостой и со всей силы обрушил каблук прямо на его череп.

Раздался влажный хруст. Из-под подошвы брызнула тёмная кровь. Наоя брезгливо отступил назад, отряхнул край штанины и, даже не взглянув на обмякшего от ужаса и потерявшего сознание молодого парня, снова подошёл к колодцу.

— Тьфу, и как мне его оттуда вытаскивать? Там же грязища...

Его брезгливый вздох скользнул по стенам колодца, отдаваясь глухим эхом на глубине.

Там, в ледяной чернильной бездне, Харе безуспешно пытался шевельнуться. Склизкие нити грибницы оплели его с ног до головы, забились в рот, лишая возможности издать хоть какой-то звук или вырваться.

Сквозь колышущуюся толщу чёрной воды он смутно видел склонённую фигуру Наои и улавливал вибрации голоса, но звуки долетали до него лишь неразборчивым, глухим гулом.

Грибные нити мёртвой хваткой тащили его всё глубже. Обитавший на дне проклятый дух, похоже, принял его за законное подношение и теперь в исступлении пытался поглотить.

Подпитываемая слепой верой деревенских жителей, эта тварь оказалась куда сильнее, чем Харе предполагал изначально. По меркам Технической школы магии — чистейший особый ранг. Но...

Я ведь и сам, чёрт возьми, особый ранг! Сожрать меня вздумал? Раскатала губу, плесень недоделанная!

Мы ещё посмотрим, кто кем пообедает!

Харе яростно стиснул зубы, перекусывая забившие рот волокна, пару раз жевнул и хладнокровно проглотил. Как ни странно, на вкус эта дрянь оказалась приятнее большинства проклятий, что он пробовал раньше — отдавала тонким растительным ароматом и лесной свежестью.

Впрочем, эффект от поглощения оставался стандартным: приятная сытость и мгновенная регенерация. Серьёзных увечий у него, если не считать меток Сукуны, не водилось. Но боже, как же его задолбали эти двусмысленные ухмылки и сальные взгляды, которые местные отпускали при виде укусов на его шее! С него хватит.

Следы на коже затянулись в одно мгновение. Новые плети грибницы бросились в атаку, оплетая бледную шею и щёки, укладываясь на фарфоровой коже причудливыми угольно-чёрными узорами. Кое-кто из этих паразитов попытался пролезть прямо под веки.

Шелковистые тёмные волосы колыхались в воде, напоминая извивающихся чёрных змей, на фоне которых его лазурные глаза горели колдовским, запредельно чистым светом. Мальчишка выглядел пугающе и пленительно — истинное порождение тьмы.

Плотный контакт с объектом установлен, да и обзавестись свежим экземпляром для коллекции Харе был совсем не прочь. Парящий в чернильном безмолвии юноша предвкушающе улыбнулся. Но стоило ему активировать Манипуляцию проклятыми духами, чтобы подчинить тварь особого ранга, как в голове громом грянул категорический запрет.

— Посмей только затащить это отродье туда, где сижу я, и я лично выпущу тебе кишки.

Знакомый ленивый, бархатистый баритон Сукуны вибрировал в сознании. Прозвучало это не как капризный отказ, а как вполне реальная, смертоносная угроза.

Харе подавился заготовленной ухмылкой, и уголки его губ поползли вниз. Чёрт, он совсем позабыл, какой капризный квартирант делит с ним жилплощадь.

Пришлось задействовать дипломатию и обратиться к заточённому в его теле тысячелетнему проклятию:

«Ну послушай, сейчас чрезвычайная ситуация...»

— Исключено, — отрезал Сукуна, пресекая любые возражения на корню. Холодно, властно, безапелляционно.

«Да по какому праву?! — возмутился Харе. — Прояви хоть каплю здравомыслия, моё тело принадлежит не только тебе одному!»

С какой стати этот тип ставит ему условия, мешая пополнять арсенал?

Сукуна недовольно повёл бровью, его лицо во Врождённой территории исказила гримаса раздражения:

— Если оно не моё, то чьё же ещё? Раз я им пользуюсь — значит, оно принадлежит мне.

Он заявлял это с такой обезоруживающей наглостью, словно Харе изначально был его собственностью. И плевать он хотел на то, что это Харе запер его в себе и заставил служить. Сукуна в любой ситуации держался как абсолютный монарх, привыкший взирать на смертных со своего костяного трона.

От такой железобетонной логики Харе даже завис на пару секунд, мысленно упрекнув себя за то, что вообще ввязался в спор. Страхнув оцепенение, он продолжил:

«Пошевели мозгами! Я вообще-то заклинатель проклятых духов. По-твоему, мне положено ходить с одним-единственным тобой? И как мне воевать прикажешь? Если на меня навалятся толпой, мне сразу козырного туза выкладывать?!»

Для проклятия тысячелетней выдержки подобные карточные метафоры прозвучали диковато. Сукуна на мгновение замолчал, и Харе, сочтя это за признак капитуляции, поспешил добавить:

«И вообще, даже если опустить драки, поглощать духов — моя прямая обязанность! У моей матушки под командованием тысячи тварей, а у меня один-единственный ты. Да надо мной куры смеяться будут, если узнают! Это же позор!»

Юноше казалось, что он разложил всё по полочкам, но Сукуна пропустил рациональные доводы мимо ушей. Двумикий вычленил из этой тирады только одно: неблагодарный сопляк смеет им пренебрегать. Это у кого тут «один-единственный» вызывает стыд?

Все четыре багровых глаза Короля проклятий опасно сузились. Голос его упал до леденящего

шёпота:

— Меня одного тебе мало?

«Да при чём тут это?! — мысленно взвыл Харе. — Мы вообще о другом говорим!»

— Кого ещё ты вознамерился пригреть?

«Этого аппетитного червяка...» — вертелось на языке у Харе, но аура Сукуны стала настолько удушающей и тяжёлой, что он предпочёл попридержать язык.

Ладно, раз силой этого упрямца не взять, придётся действовать хитростью.

Мальчишка скорчил жалобную гримасу и заговорил вкрадчиво, заискивающе:

«Я приберу его чисто на экстренный случай. Если меня сильно ранят, я смогу выпустить его и немного подкрепиться, чтобы подлечиться. Тогда мне не придётся глотать всякую безвкусную дрянь! Ты же знаешь, я не владею Обратной проклятой техникой, для меня это единственный способ быстро встать на ноги...»

Ледяная ярость в глазах Сукуны медленно растаяла. На суровом лице проступила довольная, сытая усмешка — хитрость мелкого шельмеца явно пришлась ему по вкусу, хотя тон Короля остался непреклонным:

— Не пытайся подлизываться, паршивец. Делай что хочешь, но я разорву на куски любую тварь, которую ты попробуешь в себя впустить. Никого не оставлю.

Харе опешил. Подлизываться? Сахарным голоском петь?

Это он-то?!

«Да ты ведёшь себя как шелудивый пёс, который метит деревья! — вскипел юноша, окончательно теряя самообладание. — Территорию он охраняет! И это великий Король проклятий? Как можно быть таким мелочным?!»

Харе буквально исходил злостью, а Сукуна лишь утробно рассмеялся в его голове:

— Попробуй — и сам всё увидишь.

«... И что мне тогда делать? Изничтожить такую жирную добычу? Тебе не жа...»

В запале Харе напрочь забыл, что находится на глубине, и открыл рот. В горло тут же хлынула едкая болотная жижа. Он приготовился к удушающему кашлю, но привычной судороги не последовало — вода, проникнув внутрь, мгновенно растворилась и усвоилась организмом, точь-в-точь как давешняя грибница.

Через секунду грибные путы рывком утянули его на самое дно.

До этого момента он не решался активировать Безграничность, боясь привлечь внимание торчащего наверху Наои, но здесь, во тьме провальной ямы, скрывать силы больше не имело смысла.

Чёрная вода вокруг внезапно исчезла, уступив место колоссальной, студенистой туше проклятого духа.

Тварь напоминала гигантскую желеобразную личинку. Харе мягко приземлился на её хребет и сразу же увяз по щиколотку в липкой массе, затруднявшей движения. Зато здесь он мог спокойно дышать и говорить вслух.

Он ради любопытства переступил с ноги на ногу, пружиня на склизкой поверхности. Мягко, упруго — даже забавно.

Однако самому проклятию такие игры пришлись не по душе. Оскорблённый панибратским отношением дух взвился и забился в конвульсиях, отчего всё древнее святилище наверху заходило ходуном.

Поверженные Наоей селяне во дворе храма начали подниматься. Словно марионетки на невидимых нитях, они, неестественно изгибаясь и волоча ноги, потащились обратно к колодцу.

Тем временем из кожных складок личинки хлынула густая молочно-белая слизь. Она мгновенно сковала Харе по рукам и ногам, а наброшенное на его плечи хаори зашипело и начало расползаться лохмотьями.

— Надо же, кислота, — Харе покосился на тающие остатки одежды. Похоже, договориться по-хорошему не выйдет — придётся пустить эту тварь в расход.

И как только он смирился с потерей ценного ресурса, в голове раздался вдумчивый голос Сукуны:

— Погоди-ка. Я тут вспомнил... Кажется, мы имеем дело с одной старой грязной техникой.

В глубинах Врождённой территории исполинский четырёхрукий демон, небрежно скрестив верхнюю пару конечностей на груди, неторопливо вышагивал среди груд черепов.

— Некоторые мелкие колдуньишки прибегают к уловкам, чтобы вылепить из заурядного духа подобие фальшивого божка. Заставляют глупую паству молиться ему, а затем выкачивают накопившуюся веру, за счёт чужого поклонения раздувая собственную силу.

Суть проста: в утробу духа помещают частицу плоти или крови заклинателя, создавая нерасторжимый канал связи. Благодаря этому паразит может находиться за сотни ли за пределами видимости, но исправно поставлять хозяину чистую энергию.

Метод требовал тончайшего мастерства. На памяти Сукуны за целую тысячу лет лишь единицы решались на подобный фокус, да и тех в итоге сожрали их собственные цепные псы.

В недрах этой личинки наверняка спрятан связующий артефакт. Стоит вырвать его — и фальшивый божок мгновенно иссохнет, рассыпавшись прахом.

— Попробуй отыскать...

— Нашёл!

Они выдохнули это одновременно. Харе выбросил руку вперёд, вонзая пальцы в желеобразную плоть, и потянулся к пульсирующему неподалёку сгустку ядовито-фиолетовой проклятой энергии.

<http://bllate.org/book/19043/1951555>